2. Бондарь А. В. Определение понятия «дискурс» в лингвистической науке. Студенческие научные записки. Серия «Филологическое». 2011. № 4. С.16 -19.
3. Еникиева С. М. Система словообразования современного английского языка: синергетический аспект (на материале новообразований конца XX - начала XXI веков): автореф. дис. на получение наук. степени д-ра филол. наук: 10.02.04. Киев, 2011.32 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.: Большая рос. энцикл., 2002. 709 с.
5. Самаричева А. И. Англоязычное влияние на немецкий компьютерный дискурс. Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. Вып.1. С. 67 – 72.
6. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Second edition. CambridgeUniversity Press, 2007.1572 p.
7. Merriam Webster Dictionary. URL: <https://www.merriamwebster.com/dictionary/neologism> (Last assessed: 10.09.2021).
8. Rumsiene G. Internet English: A Technically Based Mode of Language.Kaunas: Kauno Technologijos Universitetas. Issue No 9. 2006. P. 56 – 63.

Кудзоева А.Ф.

О «барьерах» осетинской пунктуации и необходимости их преодоления

*Институт истории и археологии
(Россия, Владикавказ)*

doi: 10.18411/trnio-11-2021-200

Аннотация

В статье рассматривается проблема пунктуационного оформления вводных слов в осетинском языке, говорится о необходимости учета позиции вводных слов в предложении и в составе клаузы.

Ключевые слова: осетинский язык, пунктуация, клитики, ритмико-синтаксическое членение.

Abstract

The article deals with the problem of punctuation of introductory words in the Ossetian language, it is said about the need to take into account the position of introductory words in a sentence and in a clause.

Keywords: ossetian language, punctuation, clitics, rhythmic-syntactic division.

Введение. Современная осетинская пунктуация, представляющая собой совокупность правил пользования знаками препинания, основывается, в основном, на формально-грамматическом принципе. Акцент на формальном членении предложения зачастую приводит к отсутствию учета идеи связности, непрерывности, координации языковых элементов [6, с.244].

Целью работы является анализ пунктуационных правил осетинского языка в части регламентирования пунктуационного оформления вводных слов, выявление погрешностей и лакун, аргументированное предъявление своего видения решения проблемы.

Материалом исследования послужили тексты из Осетинского национального корпуса [8], а также текст романа М. Дзасохова «Нижний Ир» [4].

Методологической базой исследования являются работы В. И. Абаева [1], А. А. Зализняка [5], Н. С. Валгиной [2] и др.

О принципах составления пунктуационных правил осетинского языка.

Как указано в предисловии к «Орфографическим и пунктуационным правилам осетинского языка» [7] (далее – Правила), актуальные правила пунктуации составлены проф. Х. А. Таказовым на основе соответствующих правил русского языка [9], утвержденных Академией наук СССР в 1956 году и разработанных к.ф.н. Багаевым Н.К. в 1957 году, но не утвержденных правил осетинской пунктуации. Разработчик Правил отмечает: «Пунктуацийы ног æгъдæуттæ домынц, ирон æмæ уырыссаг хъуыдыйæдты синтаксисон арæст æмхуызон кæм у (вазыгджын хъуыдыйæдтæ, комкоммæ ныхас æ.а.д.), уым уырыссагимæ иухуызон

æрхæцæн нысæнттæ æвæрын (уый зондон æгъдауæй у раст, практикон æгъдауæй та æххуыс кæндзæн дыууæ 'взады пунктуаци хуыздæр базонынæн). Ирон хъуыдыйæдты арæзты æндæрхуызонæй цы ис (миногмитæ семæ баст дзырдтимæ, абарстыты хицæн хуызтæ, бавæргæ дзырдтæ æмæ хъуыдыйæдтæ сæ разæй æвæрд энклитикон номивджытæ æмæ хайыгтимæ æ.а.д.), уыдонæн та лæвæрд цæуынц сæхимæ гæсгæ æндæрхуызон пунктуацион æгъдауттæ» [7, с.4-5] («Новые правила пунктуации требуют одинаковой с русским языком постановки знаков препинания там, где одинаково синтаксическое строение предложений (сложные предложения, прямая речь и т.д.) (это верно с научной точки зрения и практически будет способствовать лучшему усвоению пунктуации обоих языков). Там, где структура осетинских предложений имеет отличия (причастия и связанные с ними слова, отдельные типы сравнений, вводные слова и предложения с предшествующими им энклитическими местоимениями и частицами и т.д.), даются другие, соответствующие пунктуационные правила» - *здесь и далее перевод мой – А.К.*).

Позволим себе сделать несколько замечаний к приведенной выше цитате. Разумеется, между осетинским и русским языками имеется и генетическое, и типологическое родство. Оба они – индоевропейские языки номинативного строя. Но родство не настолько близкое, чтобы можно было говорить о тождественности синтаксических структур, которое позволило бы переносить пунктуационные правила одного языка на другой. Гораздо корректнее, на наш взгляд, было бы говорить об общих с русским языком *принципах* пунктуации: структурном, семантическом, интонационном и, что еще важнее, руководствоваться этими принципами с работе с языковым материалом, весьма и весьма отличным от русского.

Клитики в осетинском языке.

Кроме того, вызывает некоторое замешательство упоминание о вводных конструкциях с предшествующими им энклитиками. Как известно, энклитиками называются слова, входящие в одну тактовую группу (или фонетическое слово) с предыдущей словоформой, при этом под тактовой группой подразумевается отдельная словоформа «или несколько словоформ, объединенных в просодическом отношении» [5, с.6]. Энклитики противопоставляются проклитикам (составляя вместе с ними класс клитик), которые входят в одну тактовую группу с последующей словоформой (или словоформами). В связи с этим непонятно, какова связь между вводной конструкцией и словом, являющимся энклитикой по отношению к другому слову (не вводному!) и завершающему предшествующую вводному слову тактовую группу? Разве что она служит неким дополнительным «сигналом» необходимости пунктуационного обозначения паузы? Но, во-первых, не все тактовые группы разделяются пунктуационно, во-вторых, вводные конструкции «соседствуют» не только с тактовыми группами. (Осетинские клитики (проклитики и энклитики), а также основные закономерности порядка их расположения во фразе подробно описаны в работе В. И. Абаева «Ритмика осетинской речи» [1]).

Не дает ответа на этот вопрос и соответствующий раздел Правил, состоящий из одного параграфа с тремя пунктами [7, с.46-48], в первом из которых предписывается выделять запятыми вводные слова и предложения и перечисляются «наиболее часто выделяемые запятыми вводные слова» - «Къæдзыгæй хицæнгæнгæ бавæргæ дзырдтæ арæхдæр ваййынц ахæмтæ» [7, с.47]. Такая формулировка предполагает, на наш взгляд, наличие и других вводных слов, не выделяемых запятыми, однако в последующих пунктах о таковых не упоминается. Далее, в том же пункте, составитель совершенно справедливо указывает, что многие из перечисленных слов бывают не только вводными (то есть грамматически не связанными с другой частью предложения), но и членами предложения.

Еще больше вопросов вызывают следующие два пункта. Так, пункт 2 гласит: «Бавæргæ дзырдтæ бæргæ, хъуамæ, фæлтау, æрмæст, цымæ, хъæлæкк æ.а.д. æнæ паузæйæ куы фæдзурæм, уæд сæ къæдзыгæй нæ хицæн кæнæм» [7, с.48] («Если вводные слова **хоть бы (если бы), должно, лучше, только (лишь), интересно, конечно** и др. произносятся без паузы, то их не следует выделять запятыми». Здесь и далее дается не

буквальный перевод осетинских вводных слов, многие из которых не имеют прямых соответствий в русском языке, а передается их смысл.). В качестве иллюстрации приводится отрывок из стихотворения К. Хетагурова «Марходарæг» («Постящийся»):

*Амар æй фæлтау фыр надæй, акъах ын йæ
цæст, фесаф æй бынтон æгадæй, — бафсад
æй æрмæст!... Йе стонгæн бæргæ ис цары иу
нæртоны хос, фæлæ йæм фæндаг нæ ары, —
аскъуыйа йæ бос! (Хетæгкаты Къ.)*

(Забей его лучше до смерти, выколи ему
глаз, уничтожь его совсем бесчестным, - накорми
его только!... От его голода есть же на чердаке
замечательное средство, но он не находит к нему пути, -
чтоб порвалась его веревка!)

Надо полагать, составитель Правил имеет в виду слова *фæлтау* и *бæргæ*, которые считает вводными, «произносимыми без паузы». Однако в приведенном контексте оба слова – не вводные, а члены предложения, и нет никаких оснований выделять их запятыми. Более того, слово *фæлтау* «лучше», «вместо этого» вообще не употребляется в качестве вводного. Чтобы не быть голословной, автор данной статьи обратилась к Осетинскому национальному корпусу, насчитывающему 1599 вхождений, то есть употреблений данного слова в 291 документе [8], но не нашла ни одного случая выполнения словом *фæлтау* функций вводного. Что касается второго слова, *бæргæ*, то его в упомянутом контексте нужно было бы привести в качестве примера того, что оно бывает не только вводным словом, но и членом предложения, то есть переместить в пункт 1.

Что касается условия невыделения вводных слов – «когда произносятся без паузы», - то и оно, на наш взгляд, требует корректировки. Дело в том, что «произношение» (в данном случае, видимо, имеется в виду интонация) очень индивидуально. Одну и ту же фразу разные люди могут произнести по-разному, и разница может быть связана и с коммуникативной установкой говорящего, и степенью понимания содержания фразы, и уровнем артистизма, и особенностями дикции.

Другое дело – необходимость отсутствия паузы между этим словом и предшествующим или последующим, то есть вхождение слова в тактовую группу на том или ином основании. Как правило, компоненты тактовой группы (фонетического слова) не могут быть разделены на письме пунктуационными знаками. И в приведенном примере мы склонны усматривать именно такой случай, когда *бæргæ* является проклитикой. Отрывок *Йе стонгæн бæргæ ис цары иу нæртоны хос* состоит из трех тактовых групп (словоформ, имеющих одно общее ударение): *йе́ стонгæн*, *бæргǽ ис цары*, *иу́ нæртоны хос*. Как видим, слово *бæргæ* находится в составе тактовой группы, состоящей, помимо него, из финитного глагола-сказуемого и существительного в функции обстоятельства места.

Клитики и действие закона барьера.

Однако всегда ли слово *бæргæ* является компонентом тактовой группы? Полагаем, что нет, иначе оно не могло бы быть вводным словом, а оно, безусловно, может им быть, и даже в вышеприведенном контексте: *Йе стонгæн ис цары иу нæртоны хос, бæргæ* «От его голода есть на чердаке одно замечательное средство, конечно»; *Йе стонгæн цары иу нæртоны хос ис, бæргæ* «От его голода на чердаке одно замечательное средство есть, конечно»; *Йе стонгæн ис, бæргæ, цары иу нæртоны хос*. «От его голода есть, конечно, на чердаке одно замечательное средство». Как видно, изменение порядка слов меняет и функцию интересующего нас слова: в позиции перед глаголом-сказуемым *бæргæ* является проклитикой и компонентом тактовой группы – именно на его второй слог приходится ударение, в постпозиции по отношению к глаголу-сказуемому оно выполняет функции вводного слова, не будучи проклитикой, выделяется интонационно и пунктуационно.

К данному выводу мы пришли путем анализа данного слова в разных контекстах в Осетинском национальном корпусе (4427 вхождений в 385 документах). Выяснилось, что

слово *бæргæ* может занимать три позиции по отношению к глаголу-сказуемому: 1) препозицию, причем слова могут располагаться контактно (*Сæ хистæр Хъасболатæн ус курын афон бæргæ æрцыд, фæлæ сæ мадæн зæгъын нæ уæндынц – æфсæрмы кæнынц* (Чъерджиаты У.) «Их старшему (брату) Касболату пришла пора жениться, конечно, но они не смеют сказать своей матери – стесняются» - здесь и далее все примеры, не снабженными сносками, взяты и Осетинского национального корпуса – А.К.) или дистантно – между *бæргæ* и глаголом могут быть отрицательные слова, краткие формы личных местоимений, наречия (*Темыры бæргæ ницæмæн хъæуы, фæлæ...* (Агънаты Г.) «Темыру это, конечно, не нужно, но...»); 2) в постпозиции (*Капитанæн ма зæгъын хъуыди, бæргæ* (Цæгæраты М.). «Я должен был сказать капитану, конечно»); 3) в интерпозиции – между частями сложного глагола или сложной формы простого глагола, перед глагольной частью (*Фосы уыцы лыстæг фæзилæнтæм лæппу-фыййæуттæ сæ хъус бæргæ дарынц...* (Айларты И.) «На эти повадки скота обращают, конечно, внимание парни-пастухи...») *Цæугæ бæргæ кæны Сæнет, фæлæ кæдæм?* (Дегъуаты С.) Идти-то идет, конечно, Санет, но куда?»). Выполнение лексемой *бæргæ* функций вводного слова связано с его позиций после глагола-сказуемого, причем речь идет о позиции именно после простого глагола или глагольной части сложного глагола и сложной формы простого глагола. Изменив порядок слов в приведенных выше примерах, мы легко в этом убедимся: *Сæ хистæр Хъасболатæн ус курын афон бæргæ æрцыд Сæ хистæр Хъасболатæн ус курын афон æрцыд, бæргæ; Темыры бæргæ ницæмæн хъæуы, фæлæ...* - *Темыры ницæмæн хъæуы, бæргæ, фæлæ...*; *Фосы уыцы лыстæг фæзилæнтæм лæппу-фыййæуттæ сæ хъус бæргæ дарынц...* - *Фосы уыцы лыстæг фæзилæнтæм лæппу-фыййæуттæ дарынц сæ хъус, бæргæ ... Цæугæ бæргæ кæны Сæнет, фæлæ кæдæм?* - *Цæугæ кæны, бæргæ, Сæнет, фæлæ кæдæм?*

Синтаксическая природа осетинских клитик и пунктуационные знаки.

Таким образом, вводное слово *бæргæ* не выделяется запятыми, если оно в составе глагольной группы (клаузы) предшествует простому или сложному глаголу и глагольной части сложной формы простого глагола. Речь идет именно о препозиции именно в составе глагольной группы, и здесь следует сделать оговорку. В случае дистантного расположения *бæргæ* входит в глагольную группу, если между ним и глаголом находятся: 1) отрицательное слово: *бæргæ нæ зоны* «конечно, не знает»; 2) краткая форма личного местоимения: *бæргæ йæ зоны* «конечно, знает его»; 3) наречие: *бæргæ хорз зоны* «конечно, хорошо знает»; 4) краткая форма личного местоимения и отрицательное слово: *бæргæ йæ нæ зоны* «конечно, его не знает»; 5) краткая форма личного местоимения и наречие: *бæргæ йæ хорз зоны* «конечно, его хорошо знает»; 6) краткая форма личного местоимения, наречие и отрицательное слово: *бæргæ йæ хорз нæ зоны* «конечно, его хорошо не знает».

Во всех этих случаях *бæргæ* не выделяется запятыми, будучи компонентом тактовой группы или, по терминологии В.И. Абаева, акцентуального комплекса: «К числу «проклитик» относится также слово *bærgæ*, трудно переводимое по-русски и выражающее желательность какого-либо факта или действия, но в то же время сомнение в его осуществимости или эффективности; приблизительно его можно переводить: «конечно», «разумеется», «правда» [1, с. 537]. В той же работе В. И. Абаев отмечает, что все проклитики «в акцентуальном отношении примыкают непосредственно к предикату (глаголу) и образуют с ним одно целое. Между «проклитикой» и глаголом могут вставляться (и очень часто вставляются) лишь «энклитические» слова и частицы, которые, как уже упоминалось, присоединяются не обязательно к предикату, а к любому п е р в о м у слову (или комплексу) в предложении, а этим первым словом очень часто и оказываются выше перечисленные вопросительно-относительные местоимения и отрицательные частицы» [1, с.537].

На основе проведенного нами анализа указанных выше контекстов позволим себе несколько уточнить выводы В. И. Абаева относительно слова *бæргæ*: это слово не всегда бывает проклитикой; между *бæргæ* и предикатом, не раскалывая акцентуального комплекса, могут располагаться не только энклитические слова, но и наречия; непременным условием

вхождения слова *бæргæ* в состав комплекса является его позиция перед глаголом или, в случае сложного глагола или сложной формы глагола, перед глагольной частью.

Строго говоря, слово *бæргæ* – полупроклитика, то есть акцентно самостоятельное слово, в определенном случае ведущее себя как проклитика. Это явление применительно к древнерусскому языку описал А.А. Зализняк в книге «Древнерусские энклитики» [5, с.8].

Возвращаясь к пункту 2 параграфа 38 Правил, отметим следующее.

- 1) Составитель, по-видимому, имел намерение вывести закономерность употребления указанных вводных слов без выделения запятыми: «æмæ сæ уæд къæдзыгæй нæ хицæн кæнæм» («и тогда не выделяем их запятой»).
- 2) Попытка выведения такой закономерности ограничилась неясным намеком на возможность вхождения указанных слов в тактовую группу (фонетическое слово), которая на письме не может быть «расколота» (по В. И. Абаеву) знаками препинания: «æнæ паузæйæ куы фæдзурæм» («когда произносим без паузы»).
- 3) Из перечисленных в пункте 2 пяти вводных слов три таковыми не являются: *фæлтау* «лучше», «вместо этого» – наречие, *æрмæст* «только» в зависимости от контекста может быть наречием, частицей или союзом, *хъуамæ* – модальное слово со значением долженствования: *Фæлтау мæнæн фыдæлты таурæгъ ракæн (Бесаты Т.). «Лучше расскажи мне предание предков». Хъыг ыл чи кодтаид, уыдон-иу, сæр тилгæйæ, дзырдтой: Куы нæ рацыдаис фæлтау! (Коцойты А.). «Те, кто жалел его, говорили, качая головой: Лучше бы ты не ходил!» Уый фæлтау Къоста хуыздæрыл нымæдта ноджыдæр ма сæдæ азы ирону чиныг ма уадзын (Æлбортты Х.-У.). «Вместо этого Коста считал за благо еще сто лет не издавать книги на осетинском языке». Мæ лæмæгъдзинад мын ныббардзæн Мæ иузæрдыг хæлар æрмæст (Дзасохты М.). «Мою слабость простит мне Только верный друг». Æрмæст Барсæгатæ Æлбегатæн сæ хæс сау зæххæыл калд тугæй нæ бафыстой (Беджызаты Ч.). «Только Барсаговы не оплатили Албеговым пролитой на черную землю кровью». Адонæ фæлгонцæ автор, эпикон дунейы иудзинад ма фехала, æрмæст уый тыххæй нæ аразы (Мамиаты И.). «Их образы автор создает не только для того, чтобы не нарушить целостности эпического мира»; Сагсур уым куы фæуыдаид, уæддæр сын иунæгæй цы хъуамæ бакодтаид? (Джусойты Н.) «Если бы Сагсур и оказался там, то что бы он мог сделать с ними один?» Хъуамæ адæймаг адæймагæй ма баззайа? (Агънаты Г.) «Разве человек не должен остаться человеком?» Цы дзы хъуамæ ракодтаин исгæ та? (Хуыгаты С.) «А что я должен был взять у него?».*
- 4) Остальные два слова в качестве вводных могут быть проклитиками (в тех же позициях, которые указаны нами для *бæргæ*) и, соответственно, не выделяться запятыми, или же не быть проклитиками и выделяться пунктуационно: *Цымæ* йын ницы хос æрцæудзæн? (Сланты Г.) «Интересно, никакого лекарства для него нет?» - *Лæг-иу* куы зонид, цы фыдæбойнаг æм цард æнхæлмæ кæсы, уый, уæд-иу æй, *цымæ*, бафæндид райгуырын?.. (Гусалты Б.) «Если бы человек заранее знал, какая тяжелая жизнь его ожидает, то захотел бы он, интересно, родиться?..» Хъæлæкк дын ницæймæ хæцыдтæн (Нарты кадджытæ). «Увы (конечно), я ни с чем не воевал» - Куы уаис ды ахæм, цы кæсыс дæхимæ, Дæ ныхмæ уæд дзурæн нæ уайд, хъæлæкк... (Дзасохты М.). «Если бы был ты таковым, каким себя мнишь, то против тебя ничего нельзя было бы сказать, конечно».
- 5) В связи со сказанным, формулировка правила употребления вводных слов без выделения их запятыми должна содержать перечень позиций, в которых они являются или не являются проклитиками.

Пункт 3 того же параграфа также регламентирует употребление вводных слов без запятой: «Хъуыдыйад цы дзырдтæй нæй райдайæн (иуæй-иу хайыгтæ, бæттæгтæ æмæ цыбыр хуызы цæсгомон номивджытæ), уыдонæй бавæргæ дзырдты æхсæн хъуыдыйæдты къæдзыг не 'варæм» [7, с.48] («Между словами, с которых не начинается предложение (некоторые частицы, союзы и личные местоимения в краткой форме) и вводными словами запятая не ставится»). Разница между пунктами 2 и 3 заключается, очевидно, в том, что в первом случае вводные слова не выделяются запятыми безотносительно «соседства», во втором же случае они не отделяются именно от «слов, которыми не может начаться предложение». Иными словами, речь идет о двух разных случаях: 1) вводные по значению слова являются проклитиками и не могут выделяться запятыми; 2) вводные слова предшествуют энклитикам, от которых не могут быть отделены запятыми.

Второй случай составитель Правил иллюстрирует примерами (судя по всему, придуманными им самим). Рассмотрим их.

Æвæццæгæн дам нæ уæнды. «Наверно, (он) не смеет к тебе (подойти)». В данной фразе две клитики, входящие в состав двух тактовых групп: местоименная энклитика *дам* «к тебе» (*æвæццæгæн дам* «наверно к тебе») и проклитика – отрицательная частица *нæ* «не» (*нæ уæнды* «не смеет»). В. И. Абаев «самым обычным видом энклитик» считает именно «местоименные частицы в функции прямых и косвенных объектов» [1, с.533], которые, подобно другим энклитикам, «могут попадать в комплексе в подударное положение (во 2-м слоге от начала) и тогда закономерно носят на себе ударение, так что название «энклитик» не вполне к ним применимо» [1, с.533]. Действительно, и в вышеприведенном примере энклитика *дам* легко передвигается в подударное положение: *нæ дæм уæнды* «не смеет к тебе (подойти)». В.И. Абаев предполагает, что современные осетинские энклитики «исторически восходят к подлинным энклитикам, т.е. словам, ни при каких условиях не носившим на себе ударение» [1, с.533]. Но зависит ли «подлинность» энклитик только от того, всегда ли они безударны или нет?

По мнению А.А. Зализняка, «в поведении энклитик следует различать два аспекта — фонетический и синтаксический» [5, с. 8]. Следовательно, существует два типа энклитик: «собственно энклитики (выделяемые по просодическим признакам) и «синтаксические энклитики», т. е. единицы, обладающие синтаксическими свойствами, характерными для собственно энклитик, но необязательно обладающими всем комплексом соответствующих фонетических черт» [5, с.9].

На «синтаксическую природу» осетинских энклитик указывал и В.И. Абаев: «Энклитические местоименные объекты и вообще энклитики, как это можно видеть и в наших примерах, следуют, по нормам осетинского синтаксиса, непосредственно за первым словом (или комплексом) в предложении, хотя бы это слово не было ни предикатом, ни субъектом, а было второстепенным членом предложения» [1, с.533], то есть энклитики в осетинском языке привязаны не к предикату, а к определенной позиции в предложении. Продемонстрируем это на том же примере из Правил. *Æвæццæгæн дам нæ уæнды.* Энклитика *дам* занимает вторую позицию, следуя за вводным словом и предшествуя комплексу отрицательная частица (проклитика) + глагол *нæ уæнды*. *Нæ дам уæнды, æвæццæгæн.* Энклитика *дам* занимает вторую позицию, следуя за отрицательной частицей (проклитикой) и предшествуя глаголу, то есть войдя в комплекс отрицательная частица+местоименная энклитика+глагол.

Совершенно очевидно, что осетинском языке действует так называемый закон Ваккернагеля, то есть «механизм, помещающий клитики в позицию после первого фонетического слова или первой группы клаузы» [10, с.74]. Речь идет о постановке энклитик после первой синтаксической составляющей, под которой понимается не только синтаксическая позиция (или группа) в абсолютном начале предложения, а также составляющая, отделенная от абсолютного начала ритмико-синтаксическим барьером [3, с.5], то есть клауза.

В свете вышесказанного становится понятным, что в пункте 3 параграфа 38 Правил совершенно необходимо указание на то, что не отделяемое запятой вводное слово должно непосредственно предшествовать энклитике, то есть входить вместе в ней в одну тактовую группу (просодически) и одну клаузу (синтаксически). Потому что в противном случае (если вводное слово следует за энклитикой) отсутствие запятой ничем не оправдано. Приведем пример: *Æвæццагæн съл æууæнк дæр уыдаид* [4, с.128] «Наверно, и доверие им было». Вводное слово *æвæццагæн* «наверно» предшествует энклитическому местоимению *съл* «им», от которого не может быть отделено запятой. *Æууæнк дæр съл, æвæццагæн, уыдаид.* «И доверие им, наверно, было». Вводное слово *æвæццагæн* следует за энклитикой, от которой должно отделяться запятой.

Обратимся ко второму примеру из пункта 2.

Иуæрдыгæй адæмæй æфсæрмы кодта, иннаердыгæй та йæ цауын хъуыд [7, с.48] «С одной стороны, он стеснялся людей, а с другой стороны, ему надо было идти». Пример призван демонстрировать случай отсутствия запятой между контактно расположенными вводным словом и энклитикой: вводное слово *иннаердыгæй* «с другой стороны», энклитика – союз *та* «а». Отсутствие запятой между ними закономерно и понятно. Однако в предложении есть и другое вводное слово – *иуæрдыгæй* «с одной стороны», после которого тоже, по совершенно непонятным причинам, нет запятой.

Еще более непонятен тот факт, что пример из пункта 1 этого же параграфа опровергает содержание двух последующих пунктов: *Æз, дам, ын мæ хæс раджы куы ахицæн кодтон, уæд ма мæ, зæгъы, цæй хæс агуры Джанаспи (Коцойты А.).* «Я же, мол, давно расплатился с ним, так какой еще долг, говорит, требует от меня Джанаспи». В первой части сложноподчиненного предложения – *Æз, дам, ын мæ хæс раджы куы ахицæн кодтон* – выделено запятыми вводное слово *дам* «мол», «дескать», «говорит». Однако и *дам*, и следующее за ним краткое местоимение *ын* «ему» – энклитики [1, с.534], то есть, выражаясь словами составителя Правил, слова, которыми «не может начаться предложение» и которые «произносятся без паузы». На каком основании впереди и внутри ряда энклитик воздвигнут ритмико-синтаксический барьер – свидетельство резкого отклонения от фонетического и синтаксического членения фразы? Вопрос остается без ответа.

Не находят ответа и редакторы и корректоры издательств и на всякий случай, вслед за составителем Правил, ориентируются на русскую пунктуацию и выделяют вводные слова запятыми, не принимая во внимание истинное фонетическое и синтаксическое членение фразы. Примеров тому – великое множество. Приведем лишь несколько: *Дæ фыд дæн, зæгъгæ, дын куы зæгъа, уæд-иу æй дæ хъæбысы акæн* [4, с.5]. «Я твой отец, мол, когда он скажет тебе так, то обними его»; запятая между энклитиками *зæгъгæ* «мол», «говоря», *дын* «тебе». *Кæлм дæр, дам, дзы йæ хуынкъмæ лидзы* [4, с.16]. «Даже змея, говорят, убегает от него в свою нору»; запятыми разделены энклитики *дæр* «тоже», *дам* «мол». *Иутæ афтæ зæгъынц, йæхæдæг æй сарæзта, иннæтæ та — николаевскаг хъазахъхъагæй, дам, æй балхæдта* [4, с.20]. «Одни говорят, мол, он сам ее построил, а другие – у николаевского казака, мол, он ее купил»; запятая между энклитиками *дам* «мол», *æй* «ее».

Заключение. Подводя итог, можно сказать, что актуальные правила осетинской пунктуации нуждаются в серьезной доработке. Новая редакция Правил должна быть более внимательна к языковому материалу, в том числе учитывать нюансы, подобные рассмотренным в статье.

1. Абаев В.И. Ритмика осетинской речи // Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т.1. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. 607 с.
2. Валгина Н.С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации. Учебное пособие. М.: Высшая школа, 2004. 258 с.
3. Валова Е.А. Позиционные свойства энклитических частиц: корпусное экспериментальное исследование на примере частицы «же»: Дисс. канд. филол. наук. М., 2016. 218 с. https://www.philol.msu.ru/~ref/dcx/2016_ValovaEA_diss_10.02.19_24.pdf.

4. Дзасохов М.С. Нижний Ир. Владикавказ: Ир, 2007. 490 с.
<https://lib.education/book/3215315/c05fe9?id=3215315&secret=c05fe9>
5. Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008. 280 с.
6. Кольцова Л.М. Текстовая пунктуация и ее содержательные свойства. Текстовая пунктуация и ее содержательные свойства // Cuadernos de Rusistica Espanola. 2005. Т. 1. С. 243-253.
<https://revistaseug.ugr.es/index.php/cre/article/view/1875/2054>
7. Орфографические и пунктуационные правила осетинского языка. Владикавказ: Ир, 2004. 80 с.
8. Осетинский национальный корпус. http://corpus.ossetic-studies.org/search/index.php?interface_language=ru
9. Правила русской орфографии и пунктуации. М.: Учпедгиз, 1956. 176 с.
10. Циммерлинг А. В. Клитики и информационная структура высказывания в древнечешском языке // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2015. № 1. С. 74-95.

Кузьмина Р.П.

Концептуализация солнца в поэтическом дискурсе эвенов

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
(Россия, Якутск)*

doi: 10.18411/trnio-11-2021-201

Аннотация

В статье дается описание концепта *солнце* в эвенском поэтическом дискурсе. Определяются структурные признаки данного концепта в индивидуально-авторской картине мира эвенских поэтов. Образные признаки концепта *солнце* выражены посредством метафорических выражений и устойчивых сравнений.

Ключевые слова: поэтический дискурс, солнце, концептуальные признаки, лингвокультура, авторская картина мира, метафора.

Abstract

The article describes the concept of the sun in the Even poetic discourse. The structural features of this concept in the individual author's picture of the world of the Even poets are determined. The figurative signs of the concept of the sun are expressed through metaphorical expressions and stable comparisons.

Keywords: poetic discourse, sun, conceptual signs, linguoculture, author's picture of the world, metaphor.

Образ солнца в поэтическом дискурсе эвенов символизирует жизнь. В эвенском языке с дефиницией 'солнце' функционирует лексическая единица *нёлтэн*, восходящая к глагольной основе *нё-* 'выйти'. Лексема *нёлтэн* является образователем составных слов, объективирующих номинации сторон света или те или иные природные явления: *нёлтэн гөбэнмэйгидэн* 'запад'; *нёлтэн гөбэнмэин* 'заход солнца'; *нёлтэн кулибиңсэн* 'солнечное затмение'; *нёлтэн хенмэйгидэн* 'восток', *нёлтэн хиптун*, *нёлтэн хедэкэн*, *нёлтэн хенмэин* 'восход солнца'.

При изображении образа *солнца* в эвенской языковой картине мира чаще всего используются адъективы *хутаня*, *хутарси~хутахри*, *хутар* 'ослепительный, яркий, блестящий', *нямси~няхми* 'теплый', *мэңэн* 'серебряный, золотой', *хуланя мэңэн* 'золотой', *мэрэңэ*, *мэрэти* 'круглый'.

Синонимами глагольной лексемы *нёлтэндэй* 'светить солнцу' в эвенских говорах выступают различные лексемы, например:

- *гарпудай* 'излучать свет, светить, сиять, освещать лучами (о солнце), проникать (о лучах солнца)';
- *хедэй* 'взойти (о солнце)' функционируют со значением 'показаться, выглянуть, высунуться; взойти, прорасти (о растениях)';